

УДК 340.131.4
DOI 10.26118/8499.2026.22.39.050

Середнев Владимир Анатольевич
ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(Арзамасский филиал), Нижегородская обл.,
г. Арзамас, Россия

**Правовой анализ досмотра в рамках ФЗ №77 «О ведомственной охране»: от скрытых
форм обыска к коллизиям интересов
(на примере ФГУП «Охрана» Росгвардии Арзамасского машиностроительного
завода)**

Аннотация. Работа анализирует правовой статус и операционную деятельность Федерального государственного унитарного предприятия «Охрана» Росгвардии (далее – ФГУП «Охрана» Росгвардии). Являясь стратегическим предприятием в системе Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, оно обладает специфической структурой, включающей военизированные и сторожевые подразделения. Исследование осуществляется с применением методологии юридической техники, сфокусированной на концептуальном анализе и разграничении юридических категорий: осмотр, досмотр и обыск. Исследование концентрируется на выявлении и освещении конфликта интересов, который затрагивает три группы: с одной стороны, ФГУП «Охрана» Росгвардии и работников предприятий ВПК, а с другой – самих работников предприятий ВПК и их руководство (в данном случае, Арзамасского машиностроительного завода). Суть конфликта заключается в том, что сотрудники ФГУП «Охрана» Росгвардии неправомерно применяют статью 11 ФЗ «О ведомственной охране». Одновременно с этим, руководство Арзамасского машиностроительного завода нарушает установленный порядок, следуя инструкции о пропускном и внутриобъектовом режиме, утвержденной приказом управляющего директора от 20 марта 2024 года. Данная инструкция, на основании законодательства РФ, не может быть отнесена согласно ст.4 ФЗ «О ведомственной охране» к иным нормативно-правовым актам Российской Федерации, которыми в своей деятельности должны руководствоваться сотрудники ФГУП «Охрана» Росгвардии, а также противоречить им. В связи с вышеуказанными обстоятельствами предлагается законодательная инициатива.

Ключевые слова: ФГУП «Охрана» Росгвардии, ведомственная охрана, федеральный закон, конфликт интересов, осмотр, досмотр, обыск.

Serednev Vladimir Anatolyevich
Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education «National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod»
(Arzamas branch), Nizhny Novgorod Region,
Arzamas, Russia

**A Legal Analysis of Searches under Federal Law No. 77 "On Departmental Security":
From Hidden Searches to Conflicts of Interest
(using the example of the Federal State Unitary Enterprise "Okhrana" of the Russian
National Guard of the Arzamas Machine-Building Plant)**

Abstract. The article examines the activities of the Federal State Unitary Enterprise (FSUE «Okhrana» of the Russian National Guard), a strategic enterprise under the jurisdiction of the Federal Service of Troops of the National Guard of the Russian Federation (hereinafter referred to as FSUE «Okhrana» of the Russian National Guard), which includes paramilitary and guard units. The article examines the issue through the prism of legal technique, in the context of legal concepts such as inspection, search, and inspection. The essence of the study lies in the disclosure of a «conflict of interest» between three legal entities: FSUE «Okhrana» of the Russian National Guard and citizens (workers) of a military-industrial complex enterprise, on the one hand, and citizens (workers) of a military-industrial complex enterprise and the management of the military-industrial complex enterprise (in this case, the Arzamas Machine-Building Plant), on the other. The essence of the conflict is the improper application of Article 11 of the Federal Law «On Departmental Security» by employees of the Federal State Unitary Enterprise «Security» of the Russian National Guard, as well as the management in their activities, of the instructions on the access and internal regime of JSC «Arzamas Machine-Building Plant», approved by the order of the Managing Director of JSC «AMZ» dated March 20, 2024. This instruction, in accordance with Russian law, cannot be classified, in accordance with Article 4 of the Federal Law «On Departmental Security», as part of other regulatory legal acts of the Russian Federation that employees of the Federal State Unitary Enterprise «Okhrana Rosgvardia» must adhere to in their activities, nor can it contradict those (regulatory legal acts). In light of the above circumstances, a legislative initiative is being introduced.

Keywords: Federal State Unitary Enterprise "Okhrana" of the Russian Guard, departmental security, federal law, conflict of interest, inspection, search.

Для всестороннего анализа юридического содержания понятий «досмотр», «осмотр» и их соотношения с «обыском» необходимо обратиться к основам юридической техники. Она представляет собой набор методов, приемов и средств, направленных на упорядочивание правовых норм. При рассмотрении вопросов юридической техники представляется целесообразным акцентировать внимание на том, что к числу основополагающих требований, предъявляемых к процессу законотворчества в контексте реализации государственной законодательной политики, ориентированной на удовлетворение потребностей населения и поступательное развитие общества, особенно в аспекте проведения досмотра, осмотра и обыска, следует отнести объективность, гуманизм и научную обоснованность, наряду с применением общенаучных методов познания. Юридическая техника, понимаемая как совокупность приемов, применяемых разработчиками при работе с текстом нормативно-правового акта, и как инструментарий, используемый для его конструирования, должна быть направлена на достижение двух ключевых целей: принятие качественных и совершенных законов, а также обеспечение их толкования [19, с.242-249], исключая расширительный характер. Расширительное толкование потенциально способно нарушить содержание правовой нормы, поскольку оно может привести к нивелированию ее сущности. Это происходит либо путем размывания общего правила, из которого делается исключение, либо путем игнорирования нормы, устанавливающей исчерпывающий перечень обстоятельств ее применения [4]. Применение правовой нормы не должно сводиться к частому использованию аутентичного толкования [16, с.186-191], и тем более к казуальному подходу [12, с.732-734].

Применительно к нашему исследованию, существенным недостатком аутентичного толкования является присущая ему субъективность, обусловленная принципом, согласно которому число возможных толкований правовой нормы коррелирует с числом ее интерпретаторов. Основным недостатком казуального толкования заключается в его ограниченной сфере действия: оно является обязательным исключительно для конкретного случая и, как следствие, не обладает экстенсивным применением к другим правовым ситуациям [19, с.242-249]. Вторым аспектом является проблема

неопределенности (неоднозначности) правовых норм, проявляющаяся в наличии различных интерпретаций одного и того же нормативного предписания не только судьями или судебными органами, но и иными органами государственной власти. В юридической литературе справедливо отмечается, что недопустимо дополнять действующее законодательство собственными интерпретациями. Вместо этого, при возникновении коллизий или неясностей, следует инициировать обращение к законодателю, а единственным критерием для принятия судебного решения должен являться исключительно текст закона [29, с.308-309]. Особо следует отметить, что вариативность в применении правовых норм обусловлена как недостатками редакционного характера, так и наличием коллизий между самими нормами. Исходя из этого, качество юридических норм, а следовательно, и законов, регулирующих общественные отношения, является первостепенным.

В первую очередь, необходимо обеспечить представительство интересов как общества, так и государства, а во вторую – функционировать как механизм для достижения консенсуса и урегулирования конфликтов интересов в социуме[23, с.289]. Требуется провести сравнительный анализ определений досмотра, осмотра и обыска в рамках их правовой регламентации, дифференцируя по видам и субъектам правоприменения, с последующим выделением существенных характеристик исследуемых процедур. По нашему мнению, ключевое отличие определения объекта от умозаключения заключается в фиксации его имманентного свойства, которое остается константным вне зависимости от вариативности внешних условий. Данное свойство является неотъемлемым. В качестве иллюстрации: субъект, будучи должностным лицом ГИБДД, получал незаконное вознаграждение, аргументируя это недостаточным уровнем заработной платы. Несмотря на последующее увеличение его дохода, он продолжал злоупотреблять служебным положением. Следовательно, данный субъект по своей сути является взяточником.

Досмотр, согласно ст. 27.7 КоАП РФ[6], представляет собой принудительное мероприятие, осуществляемое, например, представителями органов внутренних дел. Его суть заключается в обязательном обследовании физического лица, его гардероба и принадлежащих ему предметов с целью установления факта совершения преступления, а также обнаружения и изъятия предметов или инструментов, которые могут служить основанием для подозрения в совершении противоправного деяния. Досмотр может проводиться как в контексте административных правонарушений, так и при осуществлении иных видов контроля (например, при досмотре пассажиров в аэропортах или на таможенных пунктах).

Положения статьи 27.7 КоАП РФ регламентируют проведение двух форм досмотра: личного, подразумевающего исследование физического лица и его одеяний, и досмотра предметов, охватывающего все имущество, находящееся во владении или при гражданине. *Проведение указанных мероприятий осуществляется при условии сохранения целостности осматриваемых объектов.* При наличии законных оснований и достаточных поводов может быть осуществлен досмотр транспортных средств. Целью личного досмотра и досмотра вещей задержанных и арестованных является выявление как предметов, использованных для совершения противоправных действий, так и тех, которые могут причинить вред самим лицам или окружающим [6; 11, с.41-44].

Также следует учесть, что в соответствии со статьей 248 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», досмотр является одним из контрольных (надзорных) действий, которое может осуществлять инспектор. Суть досмотра заключается в проведении визуального осмотра помещений, транспортных средств, продукции и других предметов. При этом инспектор имеет право вскрывать помещения, транспортные средства, упаковку продукции, снимать пломбы, печати или другие идентификационные знаки, а также разбирать, демонтировать или иным способом нарушать целостность осматриваемых объектов и их частей[2].

Понятие «досмотр» в рамках законодательства эквивалентно термину «проверочный осмотр», что наглядно демонстрирует пример таможенного досмотра[24]. В общепринятом понимании, **осмотр является методом** исследования, предназначенным для получения первичной информации об объекте, его последующей верификации и мониторинга. В качестве иллюстрации можно привести **медицинский осмотр**, который заключается в оценке врачом состояния здоровья пациента или отдельных органов посредством визуального анализа, аускультации и прочих диагностических процедур[10, с.11]. Следовательно, осмотр может быть ограничен визуальным исследованием только тех компонентов объекта, которые **находятся в открытом доступе**. К таким компонентам относятся, например, открытая сумка, находящаяся в распоряжении собственника, а также кузов, салон и подкапотное пространство транспортного средства[20].

Таким образом, в юридической практике осмотр рассматривается как процедура, инициируемая следователем. Цель этой процедуры – обнаружение, исследование, оценка и фиксация признаков и свойств материальных объектов, которые могут быть связаны с расследуемым происшествием, при обязательном участии лиц, определенных законом[17, с.184-189]. Статья 176 УПК РФ (глава 24 УПК РФ) устанавливает порядок проведения уголовно-процессуального осмотра. Отдельно стоит рассмотреть административный осмотр, который, в отличие от уголовно-процессуального, выступает как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и заключается в обследовании определенных объектов или территорий[18, с.19-27].

Административное законодательство определяет три вида досмотра (27.1 КоАП РФ), применяемых в рамках производства по делам об административных правонарушениях:

1. **Личный досмотр** (ст. 27.7 КоАП РФ) — внешнее обследование тела физического лица, а также находящихся при нём одежды, обуви, головного убора и иных вещей.

2. **Досмотр вещей**, находящихся при физическом лице (ручная кладь, багаж, орудия охоты и рыболовства, добытая продукция и иные предметы).

3. **Досмотр транспортного средства** (ст. 27.9 КоАП РФ) — обследование транспортного средства без нарушения его конструктивной целостности[6].

В связи с тем, что процедура осмотра не регламентирована должным образом в действующем административном законодательстве [21, с.38-45], необходимо уделять особое внимание защите прав граждан. Законодательно указывается, что существуют два вида осмотра:

1. **Осмотр места совершения правонарушения** проводится незамедлительно после выявления факта нарушения. Для обеспечения достоверности осмотра требуется присутствие двух понятых или применение видеофиксации (ст. 28.1.1 КоАП РФ).

2. **Осмотр объектов, принадлежащих субъектам предпринимательской деятельности:** Включает в себя проверку помещений, территорий, а также материальных ценностей и документации, принадлежащих юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям. Данный вид осмотра осуществляется должностными лицами при участии представителя проверяемого субъекта, а также двух понятых или с использованием видеозаписи (ст. 27.8 КоАП РФ)[6]. Отсутствие понятых или видеофиксации при осмотре [20] может привести к нарушению этих прав, в частности, к подбрасыванию запрещенных предметов. Нам думается, что хотя цель проведения осмотра, не обозначена прямо в соответствующей норме, она выводится из системного толкования норм КоАП РФ и заключается в поиске доказательственной базы по делу об административном правонарушении. Аналогичные риски существуют например, при проведении следственного действия «Проверка показаний на месте» [22, с.15-19], что подчеркивает важность соблюдения законности при проведении любых следственных действий. При отказе лица добровольно предъявить вещи для визуального осмотра, при наличии соответствующих оснований, сотрудник уполномочен осуществить досмотр.

Данное действие, будучи частью уголовного или административного процесса, *подчиняется строгим законодательным предписаниям*. При проведении досмотра, как правило, привлекаются два понятых, составляется протокол и оформляется акт изъятия. Однако в случаях обоснованных подозрений в сокрытии гражданином запрещенных предметов (таких как наркотики, оружие или взрывчатые вещества) досмотр может быть осуществлен и без участия понятых. Должностные лица, проводящие досмотр, вправе использовать фото- и видеофиксацию, что должно быть отражено в протоколе. Следует отметить, что осмотр проводится в более свободной форме[20].

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению сущности обыска, давайте разграничим понятия осмотра и досмотра, подчеркнув их правовую значимость, сходства и отличия. **Осмотр** представляет собой исключительно визуальное исследование объекта. Его отличительными чертами являются добровольность (то есть, отсутствие строгих юридических оснований для его проведения) и ограничение действий лица, осуществляющего осмотр, которое не может физически взаимодействовать с предметами (трогать, ощупывать, простукивать). **Досмотр** определяется как процесс обследования объекта, предполагающий проникновение в его пределы (например, помещение, транспортное средство, одежду человека или его личные вещи). В случаях, когда целью досмотра является проверка наличия или отсутствия определенных характеристик или состояний, он выступает как мера обеспечения безопасности, например, при взаимодействии сотрудников правоохранительных органов с правонарушителем[15, с.114]. В то же время, *если целью досмотра является обнаружение предметов или орудий совершения правонарушения, а также задержание лица, подозреваемого или совершившего противоправное действие, он должен рассматриваться как обеспечительная процедура проведения административного производства*[15, с. 117].

Досмотр обладает следующими существенными характеристиками:

Официальное документирование: Процедура строго регламентирована, и все ее результаты подлежат обязательной фиксации в протоколе.

Использование передовых технологий: Помимо традиционных методов осмотра (визуального, тактильного), допускается применение фото- и видеофиксации, а также специализированных технических средств, таких как эндоскопы, и привлечение служебных собак.

Важно, что фиксация результатов в протоколе требует не только их записи, но и указания причин, послуживших основанием для такой фиксации, что обеспечивает доказательную силу.

Следует особо отметить, что Закон «О полиции» содержит значительное количество положений, касающихся досмотровых мероприятий [13, с.4; 27]. По нашему мнению, этот аспект закона следует интерпретировать исключительно как комплекс мер, направленных на обеспечение общественной безопасности и поддержание правопорядка в ходе выполнения служебных обязанностей, независимо от конкретных обстоятельств и условий несения службы.

Статья 182 УПК РФ определяет обыск как следственное действие, которое, в отличие от досмотра, всегда носит принудительный характер. Это принуждение проявляется в ограничении конституционных прав граждан на личную свободу и неприкосновенность, что отличает его от следственного осмотра, несмотря на некоторые сходства [26, с. 512-513]. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, обыск представляет собой официально установленные и строго регулируемые действия, осуществляемые представителями власти с применением мер государственного принуждения. Цель этих действий – обнаружение и изъятие доказательств, имеющих значение для уголовного дела. В рамках следственного действия, именуемого обыском, проводится детальное изучение различных объектов, будь то участки местности или помещения, принадлежащие как частным лицам, так и организациям. Основная задача такого исследования – выявление, документирование, осмотр и последующее изъятие

предметов, документов и ценностей. Эти находки могут служить доказательством причастности к делу конкретного человека или иметь существенное значение для расследования. По сути, именно эти действия и составляют суть обыска. Помимо этого, обыск может проводиться с целью розыска людей или обнаружения тел[7].

В соответствии с действующей редакцией статьи 11 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» полномочия сотрудников охраны включают в себя возможность проведения личного досмотра граждан, досмотра их вещей, а также изъятия предметов и документов, которые могут рассматриваться как *орудие или непосредственный объект совершаемого правонарушения*[1].

Важно! В соответствии с частью 1 статьи 182 УПК РФ для проведения обыска необходимо наличие достаточных оснований полагать, что в определенном месте или у конкретного лица находятся предметы, имеющие значение для расследования уголовного дела, такие как орудия преступления, оборудование, документы или ценности. Это принципиальное отличие обыска от осмотра и досмотра. В частности, сотрудники Росгвардии на проходной завода, как правило, не обладают достаточными данными для обоснованного предположения о том, что проходящий сотрудник похитил имущество предприятия и пытается вынести его с собой (если только не поступил сигнал от режимно-секретного подразделения завода, указывающий на подобный факт).

Продолжая сравнительный анализ сущностных характеристик осмотра, досмотра и обыска, следует акцентировать внимание на их основополагающем сходстве: все указанные действия предполагают обследование объектов с целью обнаружения релевантных обстоятельств. Следует отметить, что, по нашему мнению, в настоящее время отсутствует унифицированный подход к определению и осмыслению «досмотровых мероприятий». Это обстоятельство влечет за собой не только определенные трудности в их практической реализации, но и создает предпосылки для завуалированных нарушений закона при их проведении. Кроме того, мы убеждены, что отличие обыска от досмотра определяется исключительно формальными, процессуальными аспектами. Граница между обыском и досмотром проводится по юридическим, процедурным критериям, а не по содержанию совершаемых манипуляций. По своей сути, обыск и досмотр различаются не столько по тому, что делается, сколько по тому, как это делается с точки зрения закона. Природа обыска и досмотра идентична: их задача заключается в обнаружении объектов или сведений, релевантных для расследования конкретных событий, то есть цель всегда одна – найти следы, которые помогут разобраться в конкретной ситуации или деле. **Формальное** и, оно же, **ключевое** различие между обыском и досмотром заключается в оценке общественной угрозы, которую представляют предшествующие действия или обстоятельства. Обыск, как более строгая мера, применяется при наличии признаков преступления, что обуславливает необходимость получения официального разрешения. Досмотр же, как менее обременительная процедура, используется при наличии оснований, связанных с административными правонарушениями, и не требует получения санкции. В целях оптимизации процедуры проведения поисковых действий в конкретных обстоятельствах, завуалировав обыск под досмотр, законодатель создал возможность для более оперативного проведения поисковых мероприятий, однако это может иметь негативные последствия для соблюдения законности. Формулировки вроде: «Для проведения обыска, необходимы веские основания» или «Досмотр – проверочное мероприятие, проводится при наличии на то оснований, без дополнительных согласований», обладают двусмысленностью, которая позволяет манипулировать мнением как простых граждан, так и специалистов в области права. Мы убеждены, что данная ситуация требует глубокого и широкого обсуждения с участием законодателей и юристов. Думается, целесообразно рассмотреть возможность исключения понятия «досмотр» из механизма юридически значимых действий, оставив в нем лишь «обыск» и «осмотр». А также – возможность интеграции в юридическую практику понятия «контрольное наблюдение», которое будет *кратко* освещено далее. В свете вышеизложенного

представляется целесообразным заключить, что при отсутствии объективной необходимости в проведении принудительного личного досмотра гражданина, его одежды или вещей для подтверждения факта совершения преступления, а также для обнаружения и изъятия орудий или предметов, дающих основания полагать о совершении противоправного деяния [6; 11, с.41-44], и наличии лишь потребности в визуальном поиске (т.е. способности к идентификации определенных объектов в условиях массового скопления людей, что предполагает не только зрительное восприятие, но и абстрактное мышление), следует отказаться от производства досмотра. Вместо него на законодательном уровне необходимо предусмотреть иную, более правомерную и результативную процедуру. В практике работы охранных подразделений, включая ФГУП «Охрана Росгвардии»: на проходных охраняемых объектов, таких как заводы военно-промышленного комплекса, возникают ситуации, когда сотрудники охраны при осуществлении контрольно-пропускного режима руководствуются не положениями статьи 11 Федерального закона № 77-ФЗ «О ведомственной охране», регламентирующей личный досмотр, досмотр вещей и изъятие предметов, а внутренними инструкциями предприятия. Например, инструкция директора завода (Арзамасский машиностроительный завод) может предписывать *обязательный досмотр содержимого ручной клади и личных вещей и карманов одежды у всех лиц, проходящих через проходную (фото.1 и 2)*, за исключением руководства предприятия. Подобные действия могут быть квалифицированы как незаконный досмотр или обыск. По смыслу российского законодательства[5], инструкция, изданная директором завода, не может быть классифицирована как «иной нормативный правовой акт» Российской Федерации [3;9; 25]. Это означает, что сотрудники Росгвардии, руководствуясь статьей 4 ФЗ «О ведомственной охране», не обязаны следовать данной инструкции, поскольку она не входит в перечень предписанных к исполнению нормативных актов. Полагаем, что инструкция директора завода, будучи локальным нормативным актом[8], в сложившейся ситуации вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации. Это противоречие проявляется в искажении сути статьи 11 Федерального закона «О ведомственной охране». Основываясь на логике статьи 8 Трудового кодекса РФ, локальные нормативные акты не должны ухудшать положение работников по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами. Вторым аспектом, вызывающим непонимание, является отсутствие ясности относительно процедуры учета позиции первичной профсоюзной организации «Арзамасский машиностроительный завод» (АМЗ) при формировании локального нормативного акта, особенно в контексте неблагоприятного восприятия рабочими завода действий представителей «ФГУП Росгвардии».

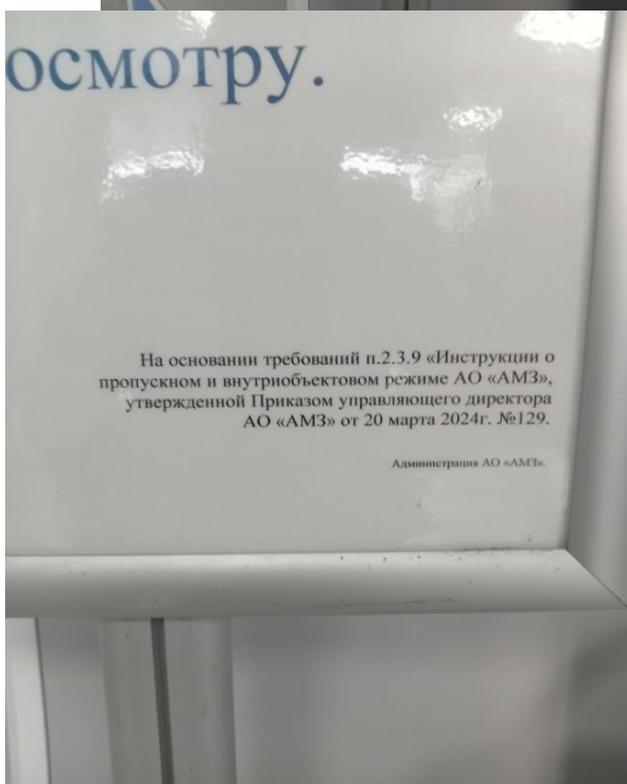
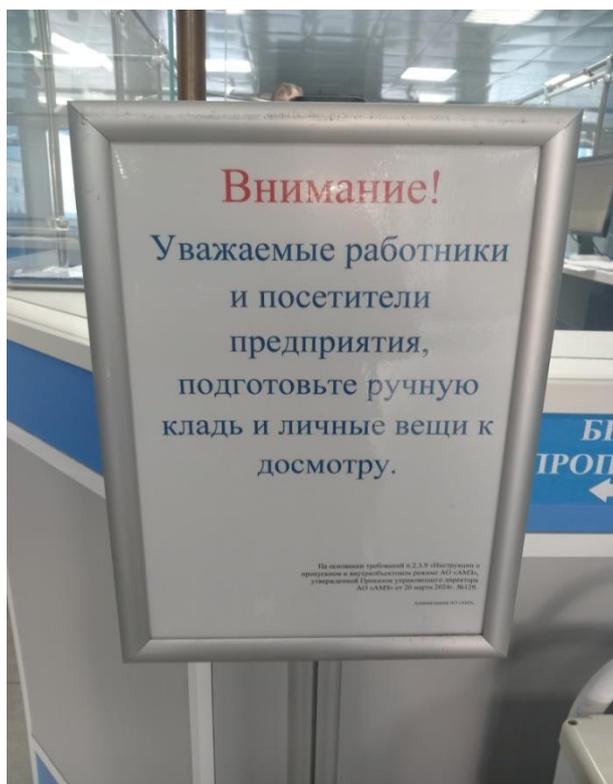

Фото 1, 2. Объявление на проходной АМЗ с требованием предъявления к осмотру ручной клади граждан и «основание» данного требования.

Помимо прочего, правовой статус действий сотрудников ФГУП «Охраны Росгвардии» исключает их регламентацию нормами уголовного или административного законодательства при отсутствии противоправных действий со стороны гражданина. В связи с этим, во-первых, отказ собственника имущества добровольно разрешить визуальный осмотр его ручной клади не может служить основанием для осуществления досмотра. Второе обстоятельство, вызывающее беспокойство, заключается в том, что субъекты, подвергаемые мерам принудительного воздействия (осмотру, досмотру),

демонстрируют более высокий уровень правовой осведомленности по сравнению с сотрудниками ФГУП «Охрана» Росгвардии. Это позволяет сделать вывод о наличии у сотрудников ФГУП «Охрана» недостаточной профессиональной компетентности, что, по нашему убеждению, коррелирует с критериями отбора при приеме **на службу**.

По нашему мнению, данный «правовой казус» в сфере регулирования общественных интересов указывает на двойную проблему: недостаточное законодательное обеспечение отношений между сотрудниками Росгвардии и гражданами предприятия в процессе выполнения служебных задач, а также на наличие противоречий между правами и интересами граждан и задачами предприятия, охраняемого ФГУП «Росгвардия». В контексте данного конфликта интересов наблюдается наличие субъективных представлений о правоте у каждой из сторон. Граждане отстаивают свою сферу личного комфорта [14, с.329-330], которая, по их мнению, подвергается вторжению со стороны сотрудников ФГУП «Охрана» Росгвардии. Сотрудники Росгвардии, в свою очередь, заявляют о наличии нежелания со стороны граждан (работников предприятия) подчиняться их законным предписаниям при исполнении служебных полномочий. Учитывая, что производимая заводом продукция является оборонной и относится к ВПК РФ, руководство предприятия классифицирует сложившуюся ситуацию как потенциально кажущийся конфликт интересов. Данный тип конфликта, по их оценке, в текущий момент не оказывает прямого воздействия на профессиональную деятельность, права и обязанности вовлеченных лиц, несмотря на наличие объективных предпосылок для его развития. Соответственно, обнаруживается потенциальный конфликт, однако отсутствует выраженная мотивация к его урегулированию. В качестве иллюстрации можно привести негодование граждан, когда сотрудники ФГУП «Росгвардии» осуществляют не только первичный осмотр, но и детальный досмотр их личных вещей. Предпосылками для возникновения действительного конфликта служат, прежде всего, дефицит четко определенных правовых предписаний и отсутствие действенных механизмов, призванных регулировать взаимодействие между участниками общественных отношений. Во-вторых, немаловажную роль играют индивидуальные побуждения, проявляющиеся в приоритете личных интересов граждан над интересами организации, а также в пренебрежении интересами граждан со стороны предприятия.

В целях надлежащего регулирования сложившихся общественных отношений полагаем, что целесообразно разработать и закрепить в законодательстве специальную норму. Данная норма должна адекватно отражать природу существующих правоотношений, обеспечивать их эффективное правовое регулирование и устанавливать баланс интересов между субъектами права – заводом как юридическим лицом и гражданами. Предполагается, что в рамках данной нормы будут интегрированы элементы осмотра и досмотра применительно к *специфике урегулирования конфликта интересов*. При прохождении контроля через металлодетекторы на проходных предприятий ручная кладь физических лиц должна быть размещена в прозрачных сумках (пакетах) под наблюдением сотрудников охраны. В дополнение к этому, учитывая неспособность металлодетекторов идентифицировать определенные взрывчатые вещества, такие как тринитротолуол (тратил), возникает необходимость в применении специализированных технических средств. К ним относятся взрывоискатели, в том числе искатели взрывных устройств (например, модель "ИНВУ" (NR-900 ЕК)), а также интроскопы (рентгеновские сканеры). В-третьих, результативные меры по обеспечению безопасности граждан и общества, а также по профилактике хищений имущества с мест работы должны быть подкреплены систематической воспитательной работой с населением. Необходимо проводить разъяснительные беседы, убеждающие граждан в целесообразности добровольного предоставления сотрудникам охраны доступа к ручной клади, подлежащей визуальному контролю. Признается, что наиболее корректным и обоснованным подходом к интерпретации и применению закона, а также к раскрытию воли законодателя выступает исследование его намерений и целей, которые были положены в основу принятия

конкретного нормативно-правового акта. В ситуациях, когда установление воли законодателя затруднено или невозможно, следует прибегать к анализу наиболее вероятных причин издания акта, которые могут быть выявлены посредством изучения его текстуального содержания, а также его основополагающих принципов и логики[28].

В связи с вышеизложенным предлагается внести изменения в Федеральный закон № 77 «О ведомственной охране» (для обеспечения полного соответствия деятельности сотрудников ведомственной охраны законодательству), *дополнив его статьей 11.1 «Контрольное систематическое наблюдение и доступ к ручной клади граждан»* следующего содержания: «Сотрудники ведомственной охраны, включая стрелков ФГУП "Охрана" Росгвардии, обеспечивающие безопасность предприятий оборонно-промышленного комплекса (ВПК) России, в рамках пропускного и внутриобъектового режимов осуществляют систематическое наблюдение за гражданами (сотрудниками) предприятия. При этом граждане обязаны предоставлять сотрудникам охраны беспрепятственный доступ к своей ручной клади для проведения контроля». Контроль ручной клади направлен на выявление запрещенных к обороту в РФ предметов и веществ, а также на обнаружение имущества, которое не находится в собственности досматриваемых лиц. Важно понимать, что «не являющееся собственностью» включает в себя не только похищенное, но и имущество, переданное гражданину в пользование в рамках его профессиональной деятельности на предприятии. Вывоз такого имущества за пределы предприятия требует специального разрешения, например, оформления служебной записки.

По нашему мнению, внедрение предлагаемой нормы позволит разрешить конфликт интересов, возникающий между гражданами и организациями в рамках правовых отношений. Кроме того, это устраним неоднозначность в применении статьи 11 Федерального закона «О ведомственной охране» сотрудниками ФГУП «Охрана» Росгвардии, обеспечив ее корректную реализацию.

Список источников

1. Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. N 77-ФЗ «О ведомственной охране» (с изменениями и дополнениями) – URL: <https://base.garant.ru/1351707/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/> (дата обращения 18.11.2025 г.)
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/a1d9beb5aa0ce51bbd38aadfe475f17ff7c7ed47/ (дата обращения: 18.11.2025 г.)
3. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 (ред. от 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». RUL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/700cf785424b3ad484e2a07cde91e267a077e01f/ (дата обращения 18.11.25).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 18.11.2025 г.)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». – RUL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения 17.11.2025).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.12.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 28.12.2025 г.).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.11.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения 20.11.2025 г.)

8. Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.12.2025), (статья 8 ТК РФ) – RUL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 21.12.2025)

9. Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. Методические рекомендации по определению нормативности правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов в целях ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов и регистров муниципальных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2019. 140 с.

10. Безносик А.Р., Чертихина А.С., Билле Д.С. Алгоритм оказания стоматологической помощи детям с синдромом Ван-дер-Вуда // Генетика в системе медицинских наук : III Межвузовская междисциплинарная научно-практическая студенческая конференция (1 декабря 2020 г.) : сборник тезисов / отв. ред. Г.В. Павлова, И.Г. Тулузановская ; ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). М. : Издательство Сеченовского Университета, 2021. С.11.

11. Дудина Н. А. Личный досмотр физического лица, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ), - проблемы правового регулирования и практика применения // Административное право и процесс. 2021. № 11. С. 41-44.

12. Дудко Г.Н. Казуальное толкование экспериментальной правовой нормы: понятие, специфика, проблематика// Юридическая техника. 2025. № 19. С.732-734.

13. Кавецкий Д. Б. Тактика действия нарядов ОВД по охране общественного порядка при возникновении чрезвычайных обстоятельств: Учебное пособие / Д.Б. Кавецкий, А. А. Сысоев. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. 132 с.

14. Кайгородов, Б. В. Зона комфорта, развитие и понимание себя / Б. В. Кайгородов, И. А. Еремицкая // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 329-330.

15. Койнов М.Ю. К вопросу о понятии и классификации досмотровых мероприятий в Российской Федерации // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С.112-121.

16. Колоколов Я. Н. Аутентическое толкование правовых актов: поиск новых парадигм. М.: Юрлитинформ, 2010. 376 с.

17. Кузнецов Е.А., Середнев В.А. О новом видение статуса и роли следователя в уголовном процессе // в сборнике: современные проблемы права глазами молодых ученых. Сборник статей участников Международной научно-практической конференции. 2017. С. 184-189.

18. Кулаков Н.А. Универсальная дефиниция процессуального осмотра как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая сущность и проблемы законодательного регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т.75. № 7(188). С. 19-27.

19. Макаров М.П. Толкование правовых нор / М.П.Макаров// Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С.242-249.

20. Романовский С. От осмотра к досмотру. Человек и закон. URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/ot-osmotra-k-dosmotru>. (дата обращения: 30.11.2025)

21. Сергеев М. В. Вопросы регламентации досмотровых и осмотровых мероприятий, осуществляемых сотрудниками полиции в отношении физических лиц / М.

В. Сергеев, О. А. Дизер // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3(45). С. 38- 45.

22. Середнев В.А. Проверка показаний на месте, как возможный способ фальсификации доказательств // Адвокатская практика. 2012. № 6. С. 15-19.

23. Середнев В.А. К некоторым проблемам юридической техники в организационно-правовом регулировании розыска лиц, без вести пропавших// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017 № 3 (30). С 289.

24. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. RUL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 29.12.2025).

25. Справочная информация: «Понятие и структура правовой информации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). RUL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22473/3724b262cdcaf0f23addb19391b41ee38e1dfe09/ (дата обращения 20.11.2025)

26. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.М.Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 1060с.

27. Чапчиков С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (постатейный): изд. «Юстицинформ», 2012. с. 399.

28. Sir William Blackstone. Commentaries of the Law of England (1765–1769). Oxford, 2003 – RUL: <http://lonang.com/library/reference/blackstonecommentaries-law-england/> (дата обращения: 17.12.2025)

29. Joseph Raz, Between Authority and Interpretation: On the Theory of Law and Practical Reason. OUP Oxford, 2009. 424 p.

Сведения об авторе

Середнев Владимир Анатольевич, преподаватель, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас.

Information about the author

Serednev Vladimir Anatolyevich lecturer, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch, 607220, Nizhny Novgorod Region, Arzamas.